



О характерѣ проповѣдей¹⁾.

Послѣ вопроса о томъ, о *цели* нужно проповѣдывать, другой важный вопросъ въ гомилетикѣ: какъ нужно проповѣдывать? Послѣ указанія матеріи или содержанія проповѣдей, самъ собою возникаетъ вопросъ о томъ, какъ эта матерія должна быть раскрываема и излагаема въ церковной проповѣди.

Въ гѣмедникхъ гомилетикахъ часть, имѣющая своею задачею разъясненіе этого вопроса, называется формальною гомилетикою, и ей придается не меньшее значеніе, чѣмъ гомилетикѣ матеріальной, посвящаемой уясненію предмета или содержанія проповѣдей. Эта формальная гомилетика обнимаетъ и раскрываетъ тѣ предметы, которые въ древнихъ риторикахъ озаглавливались „de dispositione, de elocutione et de actione“. Гомилетика Швейцера, отличающаяся наиболѣе стройною систематичностью изложенія, въ формальной гомилетикѣ раскрываетъ учене: 1) о планѣ и расположеніи проповѣди или распредѣленіи матеріала, входящаго въ содержаніе проповѣди (что у него называется *материалкою*), 2) о стилистической обработкѣ проповѣди, и 3) о произношеніи изготовленной проповѣди.

Въ первомъ отдѣлѣ формальной гомилетики (діатактикѣ) обыкновенно очень много распространяется о частяхъ проповѣди и ихъ построеніи, —прислупѣ, темѣ, раздѣленіи, изслѣдованіи и заключеніи. У Швейцера раскрытію этихъ

¹⁾ См. Труды Киевской духовной Академіи, апрѣль, 1904 г.

Труды Киевск. дух. Акад. Т. III. 1904 г.

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

предметовъ, посвящено 36 параграфовъ (§§ 164—200). Но мы считаемъ эти трактаты не особенно важными и нужными для гомилетики. Въ нихъ обыкновенно, съ нѣкоторыми измѣненіями, повторяется то, что излагается въ риторикахъ, по-крайней излагающихъ ученіе о логическомъ построеніи или расположеніи всякой рѣчи. Повтореніе риторическаго ученія о частяхъ рѣчи для гомилетики существеннаго значенія не имѣетъ. И трактатъ о произношеніи и проповѣдническомъ дѣйствovanіи (de actione) только съ нѣкоторою натяжкой можетъ быть включаемъ въ часть гомилетики, разъясняющую ученіе о формахъ проповѣди. Здѣсь мыслится и представляется нѣчто такое, что не обнимается терминомъ формы проповѣди. Предметъ, означаемый словами: „произношеніе и дѣйствованіе проповѣдническое“, требуетъ самостоятельнаго изслѣдованія, отличнаго отъ трактата или ученія о формѣ проповѣди. Въ нашей русской гомилетикѣ Амфиатрова имѣетъ трактата о частяхъ проповѣди. Но о произношеніи или (какъ у него говорится) „о сообщеніи церковнаго собесѣдованія“ онъ говоритъ въ той части, которая посвящена опредѣленію и различію характера церковнаго собесѣдованія. Здѣсь онъ говоритъ въ одномъ отдѣлѣ о внутреннемъ характерѣ церковнаго собесѣдованія, въ другомъ о внешнемъ характерѣ церковнаго собесѣдованія, а въ третьемъ о сообщеніи церковнаго собесѣдованія; въ прибавленіи третьяго отдѣла къ двумъ первымъ мы не видимъ строгаго логическаго дѣленія.

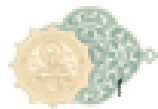
Въ рѣчи о характерѣ проповѣдей должны быть показаны ея существенныя свойства, какія принадлежатъ проповѣди, какъ специальному роду словесныхъ произведеній, и которыми она отличается отъ другихъ родовъ словесныхъ произведеній. Если бы мы, опредѣляя то, какъ нужно проповѣдывать, стали перечислять логическія и эстетическія свойства, каковы должны быть въ каждомъ порядочномъ сочиненіи, какъ-то: точность и опредѣленность мысли и выраженія, ясность и правильность рѣчи и т. под., то этимъ ничемъ бы не опре-



члени характера проповѣди, и трактация объ этомъ была бы лишнимъ балластомъ въ гомилетику, хотя подобныя общія указанія свойствъ хорошей проповѣди встрѣчаются въ гомилетическихъ руководствахъ.

Что же собственно составляетъ отличительный характеръ проповѣди? Какимъ требованіямъ она должна удовлетворять, какимъ законамъ должна подчиняться въ своемъ строѣ, чтобы отвѣчать прямому своему назначенію?

У Амфитеатрова мы встрѣчаемъ чрезвычайно обильный запасъ этихъ свойствъ, какія должны быть соблюдаемы въ характерѣ церковнаго собесѣдованія. Опредѣляя внутренний характеръ церковнаго собесѣдованія, онъ указываетъ три главныхъ качества, какими оно должно обладать: 1) *назидательность* для ума, 2) *убѣжденіе* для воли и 3) *помазаніе* для сердца. Каждое изъ этихъ трехъ свойствъ у него подробно раскрывается, раздѣляясь на другія частнѣйшія свойства. Различивъ понятіе назидательности, онъ указываетъ три главныхъ черты, необходимыя для нея, чтобы проповѣдь была назидательною, религіозность или духъ библейскій, православіе и народность. Говоря о помазаніи, онъ перечисляетъ множество частныхъ чертъ слова помазаннаго, — *евангелизмъ*, *оптимизмъ* или пріятность, животворность и питательность, протектильность, *строгость пророческую*, возвышенности слова и мысли, достоинство и глубину мысли, *власть* и *силу слова*, *точность* такую, *краткость отеческую*, верность, искренность, общность и разнообразіе слова помазаннаго. Если бы подробно и такъ описаны были, трактаты въ сочиненіи Амфитеатрова, онъ не сталъ намъ поднаго уловлять мысли. Онъ не могъ не указать съ рѣшительною ясностью существенныя черты характера проповѣди, и даже самое общее изображеніе сущаго возмани служитъ у него не столько къ уясненію, сколько къ систематизаціи. Напримѣръ, слово «помазаніе» является основнымъ терминомъ въ гомилетическомъ трактатѣ, но авторъ говоритъ о немъ съ нимъ не систем-



ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

иную, ясного и определеннаго представления. Эта неясность и неопределенность термина была видна и у Амфитеатрова, и онъ хотѣлъ уяснить его, приведши множество частныхъ чертъ, какими должно отличаться слово помазанное. Но сдѣлался-ли чрезъ это яснѣе гомилетическій терминъ „помазаніе“, такъ туго поддающійся точному опредѣленію? Самое главное раздѣленіе существенныхъ свойствъ церковнаго соебществованія, которыми служатъ назидательность, убѣдительность и помазаніе, у него выведено не изъ природы, не изъ существа проповѣди, а заимствованы основы дѣленія отъиць: онъ обращаетъ вниманіе на трехчастный составъ душевныхъ силъ, и опираясь на психологическія категоріи, говоритъ, что проповѣдь должна доставлять назиданіе уму, убѣждать волю и двиговать на сердце. Этимъ опредѣляются не столько свойства проповѣди, сколько указывается цѣль, къ какой она должна быть направлена. Далѣе, раскрывая понятіе назидательности, нашъ гомилетъ указываетъ три частныя черты, которыми опредѣляется это понятіе,—религіозность, или духъ оновѣстскій, православіе и народность. Все это, пожалуй, вѣрно: указанныя черты должны быть соблюдаемы въ проповѣди: церковное соебществованіе должно быть непременно религіозно, должно быть и вѣрно православію или церковному учению и вѣсткѣ свѣтлѣй, приспособлено къ духу и характеру народа, къ которому обращается. Но строго логическаго соподчиненія нѣтъ между указанными понятіями. Религіозность и православіе сливаются между собою, и не отличаются строго одно отъ другого; а народность стоитъ рядомъ съ ними, какъ новое, совершенно отдѣльное отъ нихъ начало. Изъ понятія назидательности выведены эти три свойства, или къ нему приложены, не безъ искусственной махинаціи мысли.

Основныя черты, опредѣляющія характеръ проповѣди, мы находимъ естественнымъ вывести изъ самаго существа или понятія проповѣди. Проповѣдь есть сообщеніе слова Божья народу или живое свидѣтельство объ истинѣ нашего спа-

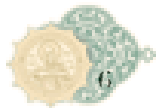


снии, обращенное къ народу, ищущему пути спасенія, или по крайней мѣрѣ долженствующему искать такого пути. Изъ этого понятія вытекаютъ два требованія: во-первыхъ, проповѣдь, служащая сообщенію и разъясненію божественнаго святого ученія, хранимаго въ церкви, должна отличаться характеромъ церковно-библейскимъ, во-вторыхъ, проповѣдь, обращенная къ народу, направляющая его на путь спасенія, по своему характеру должна быть близка и родственна народу, то есть, приспособлена болѣе или менѣе къ его духу и пониманію. Гомилетика можетъ выставить два закона, соблюденіе которыхъ необходимо для проповѣдника, желающаго достойнымъ образомъ выполнять свое служеніе: проповѣдь должна сочетать церковно-библейскій характеръ, и съ другой стороны должна быть популярна.

1.

Первая основная черта закона строга должна быть *соотвѣстна* *въ проповѣди*, *церковно-отомскій духъ* или характеръ. Имъ долженъ быть проникнутъ и внутренній складъ мысли и ея наибѣешее выраженіе.

Требованіе церковно-библейскаго характера самое естественное и необходимое требованіе. Проповѣдь вырастаетъ изъ основы закона и своего зерна. Она, по существу своему и своей сущности, есть раскрытіе основы и ея толкованіе, и при этомъ ея задача съ нравственными потребностями слушающихъ и от этого сдѣлать для нихъ продолженіе ея. Здѣсь въ основѣ дѣйствія проповѣдника и получена для себя вдохновеніе, съ божественнымъ соображеніемъ свое слово. Проповѣдь, далѣе, говорится относительно въ церкви, за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями и проповѣдникъ является уполномоченнымъ провозвѣстителемъ ученія, хранимаго въ церкви. Проповѣдь есть священнодѣйствіе благовѣствованія, и говорится во время



богослужения, если и не составляет непосредственной части богослужения. Духъ, въходящій въ храмъ Божіемъ, находящій выраженіе для себя въ богослужебныхъ чтеніяхъ, пѣсняхъ и молитвахъ, долженъ проникать ее собою, чтобы она не была чѣмъ-то чуждымъ среди дѣйствій, совершаемыхъ въ храмъ Божіемъ при богослуженіи, и не нарушала собою впечатлѣнія, выносимаго изъ церкви.

Говорятъ и утверждаютъ, что форма, въ какую облечается слово проповѣдника, не есть что-либо самостоятельное по отношенію къ содержанію. Матерія сама себя творитъ форму, и форма вырастаетъ изъ нея и неразрывно соединяется съ нею, какъ душа съ тѣломъ. Въ церкви говорится о божественныхъ предметахъ, и этимъ содержаніемъ уже намѣчается особенный, божественный характеръ проповѣданнаго слова. Амфитеатровъ, когда хочетъ опредѣлить, что требуется для соблюденія церковно-библейскаго духа въ проповѣди, сводитъ эти требованія къ тому, чтобы проповѣдникъ предлагалъ въ своихъ поученіяхъ только святое, истинное и спасительное ученіе; такъ какъ Писаніе, которое для него должно быть первообразомъ, учить насъ, во-первыхъ, тому, что *свѣто* само въ себѣ,¹⁾ и священно для человѣка, во-вторыхъ, тому, что *истинно* само въ себѣ и върустся въ правду со стороны человѣка, и, въ-третьихъ, тому, что благо само въ себѣ и *спасительно* для человѣка²⁾. Но этимъ не ограничиваются требованія церковно-библейскаго духа въ проповѣди. Есть здѣсь нечто, что не дается однимъ содержаніемъ проповѣди. Можно проповѣдывать святое, истинное и спасительное ученіе Христово, и въ то же время проповѣдь можетъ не имѣть церковно-библейскаго духа. Ученіе, предлагаемое въ церковной проповѣди, облечается въ форму не само по себѣ, а чрезъ духъ и умъ человѣка, преподающаго это ученіе на-

¹⁾ Упомяну о церковной словесности, Амфитеатрова, ч. II, § 204, стр. 12.

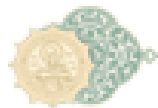


роду. Сообщающій это ученіе, при передачѣ его, кладетъ на него или на его вышнюю форму свою личную печать, и въ его словѣ отпечатлѣвается его личное настроеніе. Отсюда одно и то же ученіе у одного проповѣдника принимаетъ такую форму, у другаго другую. Характеръ изложенія библейскаго и церковнаго ученія у разныхъ проповѣдниковъ не можетъ быть одинаковъ, если только слово этихъ проповѣдниковъ живое слово. Лице проповѣдника не простой каналъ, чрезъ который церковно-библейское ученіе переходитъ къ другимъ. Истина, имъ возвыщаемая, проходитъ чрезъ горнило его ума и перерабатывается въ лабораторіи его сердца, и отсюда она получаетъ тотъ характерный обликъ, въ какомъ является въ устахъ проповѣдника предъ народомъ. Здѣсь форма или характеръ проповѣди опредѣляется не одною объективною, неизмѣнною, истинною, но еще и даже болѣе, субъективнымъ настроеніемъ проповѣдника.

Главное условіе, отъ котораго зависитъ соблюденіе церковно-библейскаго характера въ проповѣди.—чувство проповѣдника, исполненное христіанскаго духа и находящее для себя выраженіе въ словѣ. Не на содержаніе здѣсь нужно обращать вниманіе, при обсужденіи характера проповѣди, по крайней мѣрѣ не на одно содержаніе, а на тотъ тонъ, въ какомъ ведется раскрытіе этого содержанія, и какой пропитанъ все слово. Требуемые въ проповѣди чувство и тонъ, являющіеся церковно-опиоленнымъ характеромъ, могутъ быть не только тогда, когда проповѣдникъ говоритъ о высокихъ таинствахъ вѣры, но и тогда, когда, по поводу обстоятельствъ, онъ допускаетъ для потребностей плотскаго человѣка, къ предметамъ внѣшнему материальному быта, говорить о нихъ, о едѣ и о пѣ, или когда онъ борется съ современными заблужденіями. Напротивъ, чистаго церковнаго духа можетъ не быть и въ рѣчи о предметахъ высоко-догматическихъ. Нечистое воображеніе и въ библіи находить засаленныя страницы, и по поводу ихъ допускаетъ рѣчи, чуждыя всякаго благого-

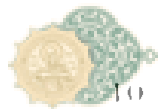
и церковнаго приличія. Въ средневѣковыхъ схоласти-
ческихъ проповѣдяхъ, и при изложеніи чистаго христіанска-
го ученія, встрѣчаются шутки, забавные и остроумные анек-
доты, иногда циническія выраженія, грубо нарушающія
святость, тѣхъ требованій, съ какими благочестивое чувство
относится къ церковно-проповѣдному слову. А иногда рас-
крываютъ истину христіанскую языкомъ школы, проникнутой
раціонализмомъ, или языкомъ свѣтской литературы, индиф-
ферентной къ христіанству, чтобы не сказать чего-либо
болѣе; между тѣмъ въ содержаніи проповѣди вы не на-
ходите ничего, несогласнаго съ христіанскимъ ученіемъ.

Благочестивымъ слухомъ тогчасъ же ощущается при-
сутствие или отсутствіе церковно-библейскаго духа въ словѣ,
ему предлагаемомъ. Но логически выиспать отличительныя
черты его — вещь чрезвычайно трудная. Духъ невидимъ и не
осязаемъ; гласъ его, какъ голосъ вѣтра, мы слышимъ, но
увидѣть, наглядно представить его не можемъ. Церковно-би-
блейскій духъ, желательный и требуемый въ проповѣди, видимъ
въ словѣ того, кто весь проникнутъ благочестіемъ, питаетъ
благовѣстіе къ слову Божію и ученію церкви, и кто вопло-
щаетъ въ себѣ духъ Евангелія. Частіе, въ духѣ библейскомъ
молвить, говорить и говорить тотъ, кто всегда носитъ въ
умѣ и сердцѣ своемъ основныя истины христіанскія, — о Христѣ,
Сынѣ Божіемъ, воплотившемся ради нашего спасенія и за насъ
распятомъ, и о безпомощной бѣдѣ человека-грѣшника,
присоединеннаго самому себѣ. У кого въ душѣ занимають ши-
рокое мѣсто эти истины и составляютъ основные камни его
мировоззрѣнія и настроенія, тотъ не станетъ говорить тономъ,
какъ и въ Евангеліи и церкви, у того само собою, безъ
усилия, выйдетъ слово, въ которомъ будетъ чувствоваться
особенный, не мірскаго характера. Будетъ ли онъ говорить
о тѣхъ тайнахъ вѣры, — въ его словѣ будетъ слышаться
чувство благоговѣнія предъ этими тайнами, и смиренное под-



чиненіе своего разума разуму Божію, благоволившему открыть намъ сокровенное огъ насъ. Будеть ли онъ воспоминать о великихъ благодѣяніяхъ Божіихъ роду человѣческому, — рѣчь его не будетъ сухимъ, холоднымъ словомъ, но чувство умиленія и благодаренія Богу, нашему Благотѣлю и Спасителю, наполняющее сердце проповѣднику, дастъ ей теплоту и сердечность: Будеть ли рѣчь его касаться нашего грѣховнаго состоянія, нашихъ земныхъ пристрастій, влечущихъ насъ долу и удаляющихъ насъ отъ путей спасенія, — въ ней будетъ гонъ сокрушенія сердечнаго, сильнаго потрясенія слушателей. Будеть ли онъ возбуждать свою памѣть къ любви и милосердію, его слово не будетъ бездушнымъ голосомъ, подобнымъ звуку мѣди звенящей или кимвала бряцающаго, а будетъ согрѣта пламенемъ, износимымъ изъ его сердца и одушевлено тиханьемъ его любящей души. Вообще, о чемъ бы ни говорить такой проповѣдникъ, сила религіознаго чувства, въ немъ ливающая и его одушевляющая, непременно проявитъ себя въ его словѣ, и дастъ ему такой отпечатокъ, который ясно будетъ свидѣтельствовать, что говорящій руководится не *духомъ мира сего*, но *духомъ, иже отъ Бога* (1 Кор. 11, 12). Слѣды такого духа будутъ проявляться не въ общемъ только слѣдѣ рѣчи, но и въ частностяхъ ея. Человѣкъ такого духа не можетъ допустить никакаго выраженія неблагоговѣйнаго. Онъ не скажетъ „Христосъ или Іисусъ“, а скажетъ: Господь Іисусъ Христосъ — не скажетъ „Марія“, а пресвятая Дѣва Марія — не скажетъ „Богородица“, а скажетъ: „Павель, Насимъ Григорій“ — не скажетъ „святый апостолъ Павель, святой Насимъ Григорій Богословъ“ и г. д.

Важнымъ проявленіемъ церковно-библейскаго духа въ проповѣди служитъ частое обращеніе къ священному Иисусу и потогонѣ прѣсть словомъ библіи, какъ словомъ Божіимъ, служащимъ тепланію разума не замѣнимымъ руководствомъ, и служащимъ намъ ясное и неопровержимое указаніе для рѣше-



ны всѣхъ вопросовъ, занимающихъ религиозное сознание человека. Кто проповѣдуетъ съ библіею въ рукахъ, или у кого всегда готовы свидѣтельства, почерпаемые изъ священнаго Писанія, въ подтвержденіе или разъясненіе той или другой истины, для того легко исполненіе требованія церковно-библейскаго духа, при сообщеніи христіанскаго ученія народу. Для насъ въ этомъ отношеніи образцомъ, къ которому мы должны приближаться, и которымъ должны повѣрять себя, служить долженъ Господь Іисусъ Христосъ, единственный истинный (идеальный) Учитель. Заповѣдь новую или новое ученіе завалъ Онъ людямъ, къ которымъ обращался съ своимъ словомъ, но при изложеніи своего ученія Онъ весьма часто приводилъ свидѣтельства изъ Писанія, и ими разъяснялъ и подтверждалъ свои наставленія, съ какими обращался къ ученикамъ или народу. При первомъ открытіи своего ученія въ нагорной бесѣдѣ, Онъ говоритъ предъ народомъ о высокомъ нерушимомъ значеніи закона Божія или богооткровеннаго слова, даннаго чрезъ пророковъ іудеями. *Алинь глаголю вамъ* (говоритъ Онъ): *дондеже прейдетъ небо и земля, юга сѣина или едина черта не прейдетъ отъ закона* (Матт. V. 18). Далѣе, исходною точкою для своихъ частныхъ наставленій въ этой бесѣдѣ Онъ ставитъ слово законъ или всего записанаго Писанія, только оду хотворя въ расширеніи смысла, въ нихъ заключающіяся. Несколько разъ повторяетъ Онъ, переходя отъ одного наставленія къ другому: *слышите, яко речено бысть древниѣ* (Матт. V. 21. 27. 31. 33. 38. 43). Шесть выраженій привелъ Онъ изъ древняго божественнаго закона, и признавая обязательное значеніе требованій, въ нихъ заключающихся, ведетъ своихъ слушателей къ болѣе высокому и совершенному пониманію ихъ. На словѣ Писанія, такъ сказать, строится его пазидающая рѣчь. На законъ и пророковъ Онъ часто ссылается, указывая на ту силу, къ которой должно обращаться наше

Підготовлено Київської Духовної Академії і Семинарією,
<http://kdais.kiev.ua>

исправить такое одностороннее пониманіе требованій закона, неоднократно приводилъ, къ вразумленію народа, извѣстное пророчіе пророка Осія: *милости хочу, а не жертвы* (Матѣ. IX, 13. XII, 7, Пс. VI, 6). Далѣе, замѣтивъ безчестіе въ храмѣ. Господь, для вразумленія продающихъ и покупающихъ въ церкви, опять обращается въ Писанію: *нѣсть ли писано, яко храмъ лой храмъ политвы наречетсѣ въ языкъ нѣ? Вы же сотвористе его вертепъ разбойниковъ* (Марк. XI, 17. Матѣ. XXI, 13. Лук. XIX, 48. Пс. LVI, 7. Іер. VII, 11). Приступили къ Нему фарисеи, и спрашиваютъ Его: можно-ли по всякой винѣ разводиться человеку съ своею женою? Онъ въ отвѣтъ говоритъ имъ: *нѣсть ли чли, яко сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворитъ чество?...* (Матѣ. XIX, 4). Къ Писанію обращается Господь, когда хочетъ дать понятіе фарисеямъ о Христѣ Мессіи, котораго фарисеи называли сыномъ Давидовымъ (Матѣ. XXII, 13—15). Предложивъ притчу іудеямъ о дѣлателяхъ въ виноградникѣ, убившихъ посланныхъ къ нимъ рабовъ, а затѣмъ и сына владѣтеля виноградника, Онъ, желая довести ихъ до уразумѣнія смысла притчи, говоритъ имъ: *нѣсть ли чли нѣкоже въ писаніихъ: ка нѣнь, егоже небрегоша зиждуци, сѣи оукъ въ главу уга? Онъ Господа бысть сѣи, и есть дивно во очю вашихъ* (Матѣ. XXVI, 46. Псал. CXXII, 22—23. Пс. XXVIII, 16). И въ бесѣдахъ съ учениками Господь часто приводитъ слова Писанія (Матѣ. XXVI, 24): живившись по воскресеніи друмъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ Онъ укоряетъ ихъ въ томъ, что они мало внимательны къ тому, что сказано въ Писаніи: *О нес пысленная и косная сердцемъ, еже вѣровати о вѣдѣ, чже глаголюша пророцы* (говоритъ Онъ имъ)! *Не сѣ ли подобаніе пострадати Христу и внити въ славу словъ? И наченъ онъ Моисея и онъ всѣхъ пророкъ, сказаніе и на онъ всѣхъ писаній, яже о Немъ* (Лук. XXIV, 24—27). Живившись въ другой разъ всѣмъ ученикамъ, Онъ напоминаетъ имъ то, что говорилъ имъ, когда еще былъ съ



ними, что подобаетъ скончатися всѣмъ написаннымъ въ законѣ Моисеовѣ и пророцѣхъ и псалмѣхъ о Мнѣ (Лук. XXIV, 44).

Но не одно частое обращеніе къ Писанію въ рѣчахъ Господа Иисуса Христа, долженствующихъ служить для насъ руководительными образцами, при разъяненіи вопросовъ вѣры и жизни христіанской, должно обращать на себя наше вниманіе. Пользуясь буквою Писанія, Господь не довольствовался однимъ внѣшнимъ указаніемъ ея. Онъ въ то же самое время вводилъ своихъ слушателей или учениковъ въ духъ Писанія,ставляя существовавшее въ немъ и доводя ихъ къ тому кому обращался, до уразумѣнія болѣе глубокаго смысла, заключающагося въ томъ или другомъ мѣстѣ Писанія. Были въ его время буквалисты-схоластики, почивавшіе на законѣ, хвалившіеся знаніемъ того, сколько разъ въ библии или какой-либо книгѣ Писанія повторяется та или другая буква, злоупотреблявшіе буквою Писанія и подтверждавшіе ею разныя настоянія преданій, вводимыхъ ими въ кругъ заповѣтей Божіихъ. Господь обличалъ такихъ учителей, хотя почивавшихъ на законѣ, на не разумѣвшихъ духа его, и прямо называлъ ихъ *невѣдущими ни Писанія, ни силы Божіей* (Мат. XXII, 29). Уже въ первой Его нагорной бесѣдѣ Его слово ясно направлено къ тому, чтобы ввести слушателей чрезъ букву Писанія къ болѣе глубокому пониманію его и къ уразумѣнію духа его, возманивъ и расширивъ въ требованія, дающія духомъ закона. Не разъ Онъ, имѣя въ нѣсколькихъ словахъ въ виду многихъ слушателей, указывалъ существовавшій законъ и пророковъ — то есть, всего священнаго Писанія (Мат. XXII, 34—40; Мат. VII, 12). *Въ сию обою сторону* (въ отношеніи къ Богу и ближнему) *весь законъ и пророки вѣщаютъ. Вся, снѣга аще дощете, да творятъ вамъ чистоту, тако и вы творите иль: се бо есть законъ и пророцы*. Указывая существовавшее въ законѣ и пророкахъ, Господь чрезъ то возжигалъ свѣтъ въ простомъ разумѣніи,



приступлющѣмъ къ слову Божію съ яснымъ желаніемъ назиданія. Послѣ такого руководственнаго указанія яенѣ становится людямъ все то, что они встрѣчаютъ на страницахъ оной или слышатъ изъ устъ разныхъ учителей. Послѣ уразумѣнія сущности дробныя частности болѣе или менѣе будутъ понятны для нихъ.

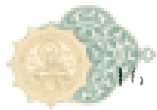
Замѣчательны и знаменательны тѣ обороты рѣчи, въ какихъ Господь приводилъ слова Писанія. Желая дать разъясненіе вопроса или подтвержденіе того или другаго положенія, Онъ часто пользуется такою формою: *нѣстели чли въ законъ или писаніяхъ* (Матѣ. XXI, 46. XIX, 4. XII, 3—5. XXII 31)? *Въ законъ что написано есть? Како чтении* (Лук. X, 26)? Такое обращеніе прежде всего свидѣтельствуешь о томъ, что Господь предполагалъ извѣстнымъ народу іудейскому все, что дано ему и написано въ Откровеніи Божіемъ, что и должно быть въ силу важности слова Божія. Такое же знакомство должно бы быть и у христіанскаго народа, которому дано Евангеліе, и для котораго должно быть въ высшей степени цѣнно все, что Богу угодно было сообщать людямъ, для ихъ просвѣщенія и нравственнаго исправленія. Далѣе, такое обращеніе указываетъ на то, что Господь вѣдалъ и другихъ научать видѣть въ словѣ Божіемъ вѣднее рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и недоумѣній, каковы могутъ занимать и беззаконнаго чину нашу, и къ нему Онъ отсылалъ всѣхъ, ищущихъ для себя свѣта истины и не толького руководства въ знаніи и практической жизни,—и это должно быть внушительнымъ урокомъ для всѣхъ насъ, съ особенностію для тѣхъ, кто, по званію служителей церкви, обязаны вести насомыхъ путемъ спасенія и направлять къ истинному вѣчному благу.

Нашими руководителями въ способѣ проповѣдничества могутъ быть святыя отцы — проповѣдники. У нихъ мы должны учиться тому, какъ намъ проповѣдывать, и какой характеръ давать своему проповѣдному слову. Въ своихъ проповѣдяхъ



святые отцы первѣе всего являются истолкователями священнаго Писанія, и духъ Евангелія, духъ божественнаго Писанія проникаетъ и оживляетъ ихъ слово. Когда они говорятъ и не на тексты Писанія, предъ ихъ взоромъ стоитъ авторитетъ откровеннаго слова Божія, высшій всякаго другого авторитета, и къ нему обращаюся они всякій разъ, когда хотятъ утвердить и укрѣпить свое разсужденіе, и дать ему силу убѣжденія. Читая ихъ проповѣди, вы видите и чувствуете, что не *духъ міра* руководитъ ими и движетъ ихъ мысль и сердце, а *духъ, иже оиѣ Бога* (1 Кор. 11, 12). И если мы, изъясняя и сообщая народу ученіе вѣры, часто обращаемся къ святымъ отцамъ, и свидѣтельствами, заимствуемыми изъ ихъ Писаній, уснащаемъ свое слово, мы тѣмъ самымъ какъ бы уловляемъ черты, какія должны быть выдерживаемы въ характерѣ церковнаго слова; погому что, кромѣ библейскихъ писателей, святые отцы наиболѣе другихъ исполнены духа Божія, и слово ихъ дышетъ святынею вѣры и благочестія, чѣмъ они сильно дѣйствовали на сердца своихъ слушателей. Впрочемъ, не отъ вышнихъ заимствованій изъ отеческихъ писаній зависитъ соблюденіе въ проповѣди отеческаго, церковно-библейскаго духа, хотя и они могутъ имѣть въ этомъ случаѣ нѣкоторое значеніе. Гораздо важнѣе внутреннее сродство духа проповѣдника съ тѣмъ духомъ, какимъ проникнуты писанія святыхъ отцовъ. А это сродство пріобрѣтается, когда проповѣдникъ пугаетъ себя ихъ поречіями, и въ нихъ ищетъ руководственныхъ указаній для себя. Чѣмъ болѣе знакомится онъ съ ними, тѣмъ болѣе можетъ усвоиться имъ тотъ характеръ и тонъ, какимъ отличаются они, и какой желателенъ въ церковной проповѣди.

Въ новыхъ проповѣдяхъ, претендующихъ на современность, весьма рѣдко встрѣчаются библейскія выраженія, и проповѣдники, желающіе принаровливаться ко вкусу и настроенію современной интеллигенціи, обращаются къ библіи какъ бы не хотя. Они какъ будто боятся проронить тексты,



опасаясь, какъ бы этотъ текстъ не уронилъ достоинства ихъ проповѣди и ихъ резонерства, въ глазахъ людей, утѣрявшихъ духъ церковный, и привыкшихъ въ своей мысли руководиться не вѣрою, а свѣтскою мудростію, почерпаемою изъ журналовъ, не имѣющихъ ничего родственнаго съ христіанствомъ. Претить благочестивому слуху такое нарушение церковнаго приличія. Конечно, и при этомъ *такая* рѣчь можетъ заключать и раскрывать доброе, христіанское ученіе, можетъ найтись въ ней выраженіе сильная мысль, дѣлающая поставилъ назиданіе слушателямъ, и преступленія не совершаетъ тотъ, кто говоритъ съ церковной кафедры, вводя въ свою рѣчь элементы рациональный, свѣтскій и заслоняя ими элементъ священно-церковный. Преступленія не совершаетъ такой: но соблюдаетъ ли онъ при этомъ то, что требуется отъ него церковнымъ приличіемъ, — святостію мѣста и не мірскою, подѣственною силою того слова и ученія, которое поручено ему передавать и сообщать народу? Въ священной одеждѣ выходить на кафедру проповѣдникъ: хорошо-ли, прилично-ли ему въ этой одеждѣ говорить такъ, какъ говоритъ какой-нибудь свѣтскій писатель въ журнальной статьѣ?

Нѣкоторые проповѣдники въ свое рѣдкое обращеніе къ библіи глумятся, отрицая ссылкою на то, что библія въ глазахъ нашихъ современниковъ, принадлежащихъ къ такъ называемой интеллигенціи, не имѣетъ того авторитета, какимъ пользовалась прежде, и что доказательства изъ библіи неубѣдительны для людей нашего просвѣщенія, разонеднагося съ вѣрою. Въ мірѣ христіанскомъ, гдѣ должна быть твердая вѣра въ Откровеніе, и въ церкви, гдѣ читается для назиданія вѣрующихъ слово Божіе, не должно бы быть подобныхъ отговорокъ. А если онѣ и имѣютъ нѣкоторую долю фактической правды, то и тогда не могутъ быть извиненіемъ для проповѣдника, пренебрегающаго библейскими доказательствами. Для него самого библія должна имѣть значеніе первостепен-



ной важности, и онъ долженъ выше всего цѣнить эту книгу книгъ, съ которою не можетъ идти въ сравненіе ничто, написанное рукою человѣческою, подъ воздѣйствіемъ естественнаго разума. Если есть и замѣчается неуваженіе или только недостаточное уваженіе къ библіи, проповѣднику не приспособляться нужно къ этому неуваженію, а напротивъ слѣдуетъ со всею силою показывать свое благоговѣніе предъ этою святою книгою, отъ Бога намъ данною, и своимъ примѣромъ внушать другимъ признаніе ея высокаго достоинства. Притомъ неуваженіе къ библейскому слову происходитъ больше отъ малаго знакомства съ нимъ: раскройте эту божественную книгу предъ людьми, которые, можетъ быть, ни разу не раскрывали ея, представляйте изъ нея умѣлою рукою сокровища знанія и божественной мудрости, и побуждено будетъ ничѣмъ неоправдываемое невниманіе къ ней. Намъ припоминается давно когда-то читанный поучительный рассказъ, заимствованный изъ французской литературы. Одинъ невѣръ, никогда не раскрывавшій библіи, во время путешествія долженъ былъ остановиться въ провинціальной глуши на одномъ постояломъ дворѣ или въ бѣдной хижинѣ простолюдина. Коротая время въ невзрачной хижинѣ, онъ увидалъ на столѣ маленькую замасленную книгу, и перелистывая ее, заинтересовался ею, и познакомявшись съ ея содержаніемъ, захотѣлъ непременно приобрести ее. Онъ просилъ хозяина хижины уступить ему эту книгу, и предложилъ ему за нее цѣпную золотую монету, сказавъ при этомъ, что онъ много книгъ читалъ, а такой хорошей не встрѣчалъ. А эта книга была Евангеліе. Случайно раскрывъ эту книгу невѣръ, и она сразу поразила его высотой и достоинствомъ своего содержанія, и онъ готовъ былъ дать за нее какую угодно цѣну.

Въ рѣчи о характерѣ проповѣдей, когда первую отличительною чертою его мы выставляемъ библейзмъ и церков-



до нѣ текстѣ,—*рускою* или *церковно-славянскою* нужно приводить слова Господа и вообще изреченія, заимствуемые изъ священнаго Писанія. Современная проповѣдническая практика настоятельно ставитъ на очередь этотъ вопросъ лю-дямъ, интересующимся дѣломъ проповѣдничества, и намъ слѣдуетъ на немъ остановиться. Многие, и уважаемые и высоко-авторитетные люди, въ послѣднее время русскій текстъ предпочитаютъ церковно-славянскому, и имъ пользуясь, приводятъ тексты священнаго Писанія, и это не только тогда, когда мѣсто изъ священнаго Писанія является не вполне вразумительнымъ для немудраго слушагеля, но и тогда, когда это не вызывается нуждою, когда церковно-славянскій текстъ совершенно ясенъ, безъ переложенія его на русское нарѣчїе. А иные даже считаютъ это совершенно необходимымъ, и стараются доказывать, что упогребленіе въ проповѣди церковно-славянскаго языка, при приведеніи библейскихъ мѣстъ, совершенно неумѣстно, противно самому понятію проповѣди, какъ народной и современной формы слова Божія. Мы встрѣтили въ одной книгѣ, посвященной выясненію некоторыхъ вопросовъ гомилетики, такое выраженіе: „Говорить въ проповѣди русскому народу на славянскомъ языкѣ и даже приводить на этомъ языкѣ хотя бы только изреченія священнаго Писанія—это значитъ давать слуша-телямъ камень вмѣсто хлѣба (снѣдали умѣстно приведенное здѣсь библейское сравненіе) и вносить мракъ въ то, что есть средство религіознаго просвѣщенія, для многихъ русскихъ единственное. Русский народъ (будто) славянскаго языка не понимаетъ¹⁾“.

Мы держимся совершенно противоположнаго мнѣнія, и считаемъ упогребленіе церковно-славянскаго языка въ проповѣди, при приведеніи текстовъ священнаго Писанія, не только умѣстнымъ, и не только предпочитаемъ употребленіе его въ

¹⁾ По вопросамъ гомилетики. Критическіе очерки М. Тарбена, стр. 125.



проповѣди при текстахъ священнаго Писанія употребленію русскаго перевода, но даже считаемъ церковно-славянскій текстъ въ этомъ случаѣ наиболѣе приличнымъ и даже необходимымъ. Этого требуетъ то благоговѣйное уваженіе, какое мы должны всегда имѣть и питать къ слову Божію. Божественное слово нужно отличать и внѣшнимъ образомъ отъ нашего обычнаго слова или говора. Церковно-богослужебный лѣтъ для него то же самое, что священное облаченіе для служителя церкви, совершающаго то или другое священнодѣйствіе. Было бы странно и послужило бы явнымъ нарушеніемъ церковнаго приличія, если бы кто-либо дерзнулъ совершать богослуженіе въ простомъ, не церковномъ костюмѣ. Не то же ли нарушеніе церковнаго приличія происходитъ тогда, когда съ библейскаго слова въ церковной проповѣди мы снимаемъ священное облаченіе церковно-богослужебнаго лѣтъ и передаемъ его въ томъ нарѣчій, какимъ ведемъ свои домашнія бесѣды? Когда божественное, библейское слово мы передаемъ обычнымъ говоромъ или тѣмъ языкомъ, какимъ выражаемъ свои мысли, мы чрезъ то какъ бы равняемъ его съ своими собственными умышленіями, и слушателю нашему не сразу можно отличить, что наше, и что Божіе. Но вы примете тексты въ священномъ облаченіи церковно-богослужебнаго языка, тотчасъ же всемъ будетъ видно, что это не простое наше слово, а слово, отмѣченное высшимъ божественнымъ характеромъ. Мы же обыкновенно отличаемъ въ своихъ рукописныхъ сочиненіяхъ библейскіе тексты отъ нашихъ разсудковъ и разсужденій, подчеркивая ихъ, а въ печати употребивъ для нихъ особый курсивный шрифтъ. Церковно-славянское облаченіе для библейскаго текста, служа къ отличенію его отъ нашего простаго разсужденія и къ возвышенію его надъ нашимъ обыденнымъ словомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ выраженіемъ нашего благоговѣнія къ нему, какое позволяетъ имѣть къ божественному слову пастырямъ церкви и проповѣдникамъ. И нарѣчъ нашъ, привлекшій слушати

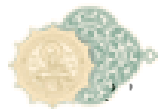


слово Божіе при богослуженіи на церковно-славянскомъ языкѣ, итастъ особенное благоговѣніе къ нему именно въ этомъ священномъ облаченіи, и мы полагаемъ, что лучшая, благочестивая часть его, преданная церкви, если не оскорбится прямо, когда будетъ слушать въ церкви библейскіе тексты въ обыкновенной русской рѣчи, то несомнѣнно почувствуетъ нѣчто рѣжущее его слухъ, отъ простого, безцеремоннаго отношенія къ чтимой святынѣ. И не дастъ ли это налимъ раскольниковъ, терзающимся старыхъ преданій, повода обвинять нашу церковь въ уклоненіи ея на такой путь, который ведетъ къ омірщенію духа, какимъ руководятся ея члены? И намъ приходилось слышать подобныя нареканія;—и опасенія, нами высказываемыя,—не наша выдумка. Въ особенности мало мирится благочестивый слухъ, когда приводятъ не на церковно-богослужебномъ языкѣ, а на русскомъ нарѣчій, слова Господа Іисуса Христа. Простому не взыскательному разумѣнію христіанина понятію, какъ приличнѣе сказать: *Жено, что плачешь? кого ищешь* (Іоан. XX, 15) или: женщина, что ты плачешь? кого ищешь? А между тѣмъ, по приведенію нами мнѣнію, приведеній эти слова Господа по церковно-славянски подаетъ народу камень, а передавшій ихъ по-русски подаетъ хлѣбъ. Говорить, что народъ нашъ не понимаетъ славянскаго языка, и потому ему необходимо пересказывать библейскіе тексты въ русскомъ нарѣчій. Мы не можемъ принимать этого положенія во всей его силѣ. Нашъ народъ, напротивъ, любитъ церковно-славянскій языкъ и понимаетъ его. Къ нему онъ привыкаетъ въ церкви, постоянно слыша на немъ молитвы и пѣснопѣнія, и въ прежнее время съ славянской грамоты начиналось его ученіе, и первыми книгами, какія наиболѣе были въ его употребленіи, служили часословъ и псалтирь, и нынѣ онъ съ охотою слушаетъ житія святыхъ на славянскомъ языкѣ изъ Четьихъ-Миней святаго Дмитрія ростовскаго. Мы обращаемся къ главнѣйшей священной книгѣ—Евангелію, и намъ кажется, въ ней нѣтъ



ничего, что въ славянскомъ текстѣ было бы непонятно не только для мало-мальски образованнаго человѣка, но и для всякаго и не ученаго, малограмотнаго христіанина. Не споримъ: есть мѣста въ священномъ Писаніи неудобовразумительныя въ славянскомъ текстѣ. Для такихъ неудобовразумительныхъ мѣстъ, конечно, по требованію нужды, для облегченія ихъ пониманія, можно допускать русскій текстъ. Но такихъ мѣстъ сравнительно не такъ много. И въ этомъ случаѣ для соблюденія церковнаго приличія, можно бы сначала привести славянскій текстъ, а потомъ уяснить его, переживъ его на русское нарѣчіе, и это послѣднее передоженіе будетъ имѣть значеніе перифраза или толкованія, вызываемаго неясностію славянскаго текста. Встрѣчаются неудобовразумительныя мѣста въ священномъ Писаніи, на какомъ бы языкѣ ни приводить ихъ, какъ свидѣлствуетъ св. апостолъ Петръ, который говоритъ, что въ посланіяхъ апостола Павла *суть неудобъ разузна нѣкая* (2 Петр. III, 16). Когда проповѣднику приходится приводить такія мѣста, его непремѣнный долгъ дать имъ надлежащее объясненіе. Пусть такимъ же объясненіемъ сопровождается и славянскій текстъ того или другаго библейскаго мѣста, когда, по разумѣнію проповѣдника, смыслъ его для многихъ можетъ показаться темнымъ.

Церковно-славянскій текстъ, по выраженію автора книги: „По вопросамъ гомилетики“, камень, который предлагаютъ народу, вмѣсто хлѣба, проповѣдники, приводящіе на немъ омонейскія мѣста, а русскій текстъ—это хлѣбъ, который долженъ быть предлагаемъ народу, и который одинъ можетъ быть удобопріемлемъ и понятенъ для него. Чтобы быть положительнымъ, авторъ, пожалуй, станетъ требовать замѣны русскимъ языкомъ церковно-славянскаго языка и при совершеніи богослуженія. Вѣдь руководясь его логикою, мы должны сказать, что церковь, предлагая при богослуженіи молитвы и пѣснопѣнія на славянскомъ языкѣ, подаетъ народу камень



ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

вмѣсто хлѣба; такъ какъ, по его мнѣнію, славянскій языкъ не понятенъ для народа,—не понятенъ какъ въ проповѣди, такъ равно и въ богослужебныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ. Но если бы кѣмъ-либо предпринято было измѣненіе церковно-богослужебнаго языка и предписано было совершеніе богослуженія на русскомъ языкѣ, на который переложены бы были наши богослужебныя книги,—то отъятаго произошло бы въ томъ народѣ, для котораго бы это дѣлалось, большее смущеніе, чѣмъ какое было во времена Никона, при исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Нѣтъ, повторимъ мы, нашъ православный народъ любитъ церковно-славянскій языкъ, и вы будете говорить и дѣйствовать не въ его духѣ, когда будете предлагать ему божественное слово обыденнымъ языкомъ, а не въ облаченіи церковно-богослужебнаго текста.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія мы можемъ привести историческія справки. Есть свидѣтельства, записанныя въ исторіи, изъ которыхъ видно, что текстъ Писанія, освященный церковнымъ употребленіемъ, всегда пользовался особеннымъ уваженіемъ у народа, и что благочестивый слухъ многихъ оскорбился, когда священныя слова, взятія изъ библіи, пропалосились предъ народомъ съ церковной каюедры не въ той формѣ и не въ той оболочкѣ, въ какой они привыкли слышать его въ церкви. Разъ епископъ Трифиллій осмѣлился измѣнить въ текстѣ Евангелія: *возьми одръ свой* слово τὴν κλίνην и замѣнить его другимъ словомъ, которое казалось ему благозвучнѣе. Спиридонъ, епископъ кипрскій, въ присутствіи многихъ епископовъ и въ виду всего народа съ епископскимъ укоромъ обратился къ Трифиллію за такое самовольное „ужели ты, сказалъ Спиридонъ, лучше того, кто скажетъ: τὴν κλίνην, когда стыдишься пользоваться его словомъ“¹⁾? П. блж. Августинъ сообщаетъ въ письмѣ къ Іеро-

¹⁾ Tripartite Historiae lib. I. cap. X.



ному объ одномъ епископѣ въ Африкѣ, что, когда онъ прочиталъ мѣсто изъ пророка Іоны не такъ, какъ оно читалось въ текстѣ, тогда употребившемся въ церкви, то подвергался опасности отъ негодованія возбужденнаго народа, оскорбленнаго измѣненіемъ текста, и едва не прогнанъ былъ съ кафедры, и былъ бы прогнанъ, если бы не объявился впрямь быть осторожнѣе я не позволять себѣ отступленій отъ причитаго въ церкви текста священныхъ книгъ¹⁾.

Противъ насъ или противъ нашего мнѣнія выставляютъ современные авторитеты, которыми защищаютъ новый обычай приводить тексты въ проповѣдяхъ на русскомъ языкѣ. Но мы, съ своей стороны, этимъ современнымъ авторитетамъ можемъ противопоставить другіе авторитеты болѣе значительные, которые неодобрительно относятся къ этому обычаю. покойный митрополитъ московскій Филаретъ болѣе другихъ содѣйствовалъ переводу священнаго Писанія на русскій языкъ, но не смотря на это, онъ для церковной проповѣди считалъ неудобнымъ и неприличнымъ употребленіе этого русскаго перевода, при приведеніи библейскихъ текстовъ. Въ церковныхъ поученіяхъ (говоритъ онъ) тексты священнаго Писанія должны быть приводимы по существующему славянскому переводу. Такое приведеніе можетъ сопровождаться изложеніемъ текста на русскомъ нарѣчій, если то нужно по свойству текста, или по степени образованія слушателей²⁾.

Въ сущности еще важнѣе мнѣніе о значеніи церковнославянскаго и русскаго текста того же Писанія и вообще библіи Писаннаго и славянскаго языка по образованію ино-

¹⁾ См. книгу г-на Ж. де ла Моноини. Гомилетика въ новое время, стр. 44.

²⁾ См. статью: О гомилетическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго, гомилетическаго и славянскаго переводовъ свящ. Писанія. Прибавленіе къ твореньямъ св. отцовъ изд. при Московской Академіи, 1858.

рошених, збожжених о переводѣ священнаго Писанія на шкорописный языкъ. Славянскій текстъ библии онъ рѣшиительно предпочитаетъ русскому, и по свидѣтельству Листовскаго ¹⁾, въ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву, выражать глубокое сожалѣніе о томъ, что „у насъ въ духовенство воцарилось пренебреженіе къ славянщинѣ; готовы все по боку. Поэтому-то мы, еще сильнѣе и настоятельнѣе желательно напечатать редакцію Четвероевангелія (на древне-славянскомъ языкѣ); дасть хоть этой искрой затлѣется угасающее чувство родного славянскаго и православнаго нашего цѣла“. Онъ указывать на одну статью журнала „Вѣра и разумъ“, гдѣ приведено разсужденіе протестанта, лучше многихъ изъ насъ понимающаго значеніе церковности для Россіи. „Самая опасная для русской церкви сила—это новый Заѣвъ на русскомъ языкѣ (представляетъ тотъ протестантъ). Съ того времени, какъ дозволено распространеніе этой книги, борьба церкви противъ разлагающаго движенія дѣлается съ каждымъ годомъ тяжелѣе, и если ей не удастся эго, то всякое внѣшнее тавленіе на отдѣльныхъ личностяхъ и ихъ религіозныя отправленія останутся напрасными“... Изъ вышеприведенной выписки (дѣлаетъ замѣчаніе Ильминскій) становится понятнымъ, почему иностранные миссіонеры съ такою настойчивостію распространяють русскій переводъ библии и новаго Заѣва: трудно-ли понять, съ какою стати мы, русскіе, такъ усердно содѣйствуемъ ихъ видамъ. Если православные міряне, ищавшіе, благодаря ясному русскому изложенію, содержавшему Евангеліи и вообще библии, принимаютъ русскій переводъ и бросають текстъ славянскій, то они порвали уже связь съ православною церковностію“ ²⁾).

¹⁾ Русскій Архивъ, 1898, № 10, стр. 279—280.

²⁾ См. Листовскаго. П. И. Ильминскій, въ Русскомъ Архивѣ, 1898, V 10



Послѣ всѣхъ нашихъ указаній, мы выставяемъ такое общее правило касательно того, на какомъ языкѣ нужно при-
оритъ тексты священнаго Писанія въ проповѣдяхъ, предпи-
ываемое церковнымъ приличіемъ: слова Господа Иисуса Хри-
га и всѣ заглавные тексты, ставимые въ началѣ проповѣ-
и, непременно и обязательно пужно приводить на языкѣ
ерковно-богослужебномъ. Если не обязательно, то въ выс-
ей степени желателю, для соблюденія церковнаго приличія.
гобы и прочія мѣста Писанія, къ которымъ проповѣдникъ
брацаегся при развитіи темы своей проповѣди, тоже приво-
имы были на языкѣ церковно-славянскомъ. Исключеніе мо-
жетъ быть допускаемо только тогда, когда мѣсто Писанія въ
авянскомъ переводѣ можетъ показаться мало вразумитель-
ельнымъ для слушателей. Но и въ этомъ случаѣ лучше
ривести церковно-славянскій текстъ, а потомъ, какъ настав-
яетъ московскій митрополитъ Филаретъ, сопроводить его, для
ясненія его, приведеніемъ его на русскомъ нарѣчій.

Особыя требованія, въ силу церковно-библейскаго ха-
актера, какой долженъ быть соблюдаемъ въ проповѣди,
олжны быть предъявляемы по отношенію къ внѣшнему изло-
женію проповѣди вообще. Конечно, проповѣдникъ долженъ
говорить чистымъ и правильнымъ языкомъ, которымъ гово-
ятъ и пишутъ въ современномъ образованномъ обществѣ.
Здѣсь мы не должны допускать нарушенія обще-литературной
истоты рѣчи. Но это далеко не все, выполненія чего тре-
буется отъ проповѣдника. Языкъ проповѣдническій долженъ
мѣть свои специфическія особенности, которыя отбѣняютъ
отличаютъ его отъ того языка, какимъ пишутся свѣтскія
описанія и журнальныя статьи. Не наша только гомилетика,
ю и иностранныя языки церковной каедры отличаютъ отъ
обще-литературнаго языка, и отличительною чертою языка
церковной каедры считаютъ библеизмъ или священную ва-
ность рѣчи. Этого требуетъ, во-первыхъ, свойство тѣхъ пре-
метовъ, о которыхъ говоритъ проповѣдникъ. Эти предметы —

предметы высокіе, заимствуемые изъ божественнаго ученія, вступающіе къ себѣ у вѣрующаго благоговѣніе. Можно-ли говорить о нихъ такимъ хлесткимъ, развязнымъ языкомъ, каковымъ лишутся газетные фельетоны! Умѣстны-ли здѣсь какія-либо шутки, побасенки, анекдоты сомнительнаго качества, нечистоплотныя сравненія? Допустима-ли на церковной кафедрѣ такая распущенность рѣчи, какою, нисколько не стѣсняясь, разсыпается иной свѣтскій писатель? Строгости, особенной выдержанности и священнои важности языка требуетъ отъ проповѣдника, во-вторыхъ, высота цѣли, какую онъ долженъ преслѣдовать, даѣе святость того мѣста, именно храма Божія, въ которомъ онъ выступаетъ съ словомъ назиданія и, наконецъ, самое служеніе его, какъ посланника Господа Иисуса Христа, повѣлываго апостолами, а въ лицѣ ихъ всѣмъ преемникамъ ихъ служенія — пастырямъ церкви учить народы блюсти все, что заповѣдаетъ Онъ. Проповѣдникъ долженъ всегда чувствовать и сознавать, что онъ не мірской, не свѣтскій учитель, а учитель церковный, возлагающій на свое ученіе, не свои умствованія, а вѣру, таинную свяще и хранимую въ церкви, и выступающій съ словомъ назиданія, во имя Божіе, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ обыкновенно говорится мыль предъ началомъ каждаго проповѣди. Какъ же проповѣдывать во имя Божье и въ то же время позволить себѣ, недержанную вольность и распущенность языка, ставящую проповѣдь въ рядъ съ какою-либо неопытною журнальною статьею? Нибертъ, одинъ изъ лучшихъ сомиетовъ французскихъ, для церковной кафедры находилъ саиболѣе приличнымъ стиль возвышенный и совѣдуетъ проповѣдникамъ ставить образцомъ для себя пророковъ. Пророки (говоритъ онъ), при всемъ различіи, какое замѣчается между ними, все равно возвышены; потому что все говоритъ отъ имени Божія, все возвышаютъ великія истины, и все имѣютъ въ виду устроить, тропуть, образовать. Въ ихъ писаніяхъ должно учиться тому истинному



стилю, который наиболѣе отвѣчаетъ требованіямъ церковной каѳедры и характеру проповѣдника ¹⁾).

Когда мы говоримъ, что проповѣди наиболѣе приличенъ стиль возвышенный, могутъ подумать, что мы рекомендуемъ проповѣдникамъ стиль напыщенный, уклоняющійся отъ простоты рѣчи, и могутъ замѣтить намъ, что наиболѣе нужна для проповѣди удобопонятность рѣчи, чему наиболѣе содѣйствуетъ простота и ясность выраженія. Но истинная высота стиля не нуждается въ какихъ-либо искусственныхъ красотахъ: она вполне можетъ быть соединяема съ простою рѣчи, только чуждою всякой тривиальности, и даже требуетъ такой простоты рѣчи, чистой и ясной. Поучительнымъ образцомъ для насъ въ этомъ отношеніи должны служить рѣчи Господа Іисуса Христа, записанныя въ Евангеліи. „Обратите вниманіе (говорить Фенелонъ) на рѣчи Господа Іисуса Христа: въ нихъ Онъ и простъ, и вмѣстѣ возвышенъ. Трудно, даже прямо невозможно, указать какаго-либо проповѣдника, который-бы въ своихъ рѣчахъ, изготовленныхъ со всевозможною тщательностію, могъ говорить такъ просто и возвышенно, какъ Господь Іисусъ Христосъ“ ²⁾). И слово апостоловъ отличается простотою, но съ этою простотою сохраняется благородство и особая возвышенность рѣчи. Все у нихъ просто, и вмѣстѣ живо и трогательно. Не внѣшняя обложка даетъ возвышенный характеръ рѣчи, а то настроеніе, благоговѣнное и святое, въ какомъ долженъ быть проповѣдникъ, излагающій и изъясняющій народу слово Божіе или высокое ученіе вѣры.

Характерную и отличительную черту проповѣдническаго языка гоимелеты отмѣчаютъ именемъ библеизма, и въ этомъ

¹⁾ L'eloquence chretienne dans l'idée et dans la pratique, par Gilberth. chap. XXXI (см. нашу книгу: Гомилетика въ новое время, стр. 204—205).

²⁾ См. нашу книгу: Гомилетика въ новое время, послѣ реформации Лютера, стр. 231.

онимизмъ языка видятъ особенное достоинство проповѣдническаго выраженія не только наши и римско-католическія гомилетики, но и протестантскія, свободѣе относящіяся къ требованіямъ церковности, чѣмъ православные и римско-католики. Прекрасное объясненіе этого слова или указываемаго имъ свойства проповѣдническаго языка даетъ Киберъ въ своей, уже цитованной нами, книгѣ „О христіанскомъ краснорѣчіи“¹⁾. „Названіе („библейскій языкъ“) означаетъ то, что проповѣдникъ свой языкъ, образъ своего выраженія долженъ стараться приближать къ священному языку библіи. Священное Писаніе и творенія отцовъ, питавшихся духомъ библіи, должны быть для него главнымъ источникомъ, откуда онъ можетъ черпать выраженія, обороты, образы и сравненія. Отъ этого заимствованія библейскихъ и отеческихъ оборотовъ и выраженій языкъ проповѣдника получаетъ священную важность, которая не остается безъ добраго дѣйствія на сердце слушателя. Чувствуется какая-то особенная благодать, особенное таинственное помазаніе въ этомъ языкѣ, который напоминаетъ собою языкъ библіи, и никакой другой языкъ не можетъ произвести въ храмѣ Божіемъ такого впечатлѣнія на сердце слушателя, какъ этотъ языкъ, отмѣченный печатью божественнаго помазанія. Да и можно-ли говорить о предметахъ христіанскихъ, возная или утачивая о томъ, какъ говорить о нихъ Господь Іисусъ Христосъ? Можно-ли говорить о предметахъ божественныхъ не такъ, какъ говорили о нихъ богодухновенные писатели? Не будетъ-ли это святотатствомъ снимать съ этихъ священныхъ предметовъ ту одежду, какую они имѣютъ въ Откровеніи, и представлять ихъ наготу въ новой одеждѣ, отличной отъ одежды библейской? Іисусъ Христосъ представлялъ истину подъ образами, какіе находить нужнымъ употребить Его божественный духъ, и

¹⁾ Eloquence chrétienne dans l'idée et dans la pratique, par le p. B. Kibber, ch. XI.



къ какому съ благоговѣніемъ относились лучшіе представители вѣковъ и народовъ.— а проповѣдникъ хочетъ представлять ихъ иначе, какъ-бы думая, что его образъ представленія и выраженія будетъ лучше! Никто не знаетъ и не знаетъ какъ сердца человѣческаго, какъ Господь Іисусъ Христосъ, и никто лучше Его не могъ приближать къ пониманію народа великія и священныя истины. Евангеліе — великая руководственная книга для проповѣдника даже по отношенію къ образу изложенія мыслей: ни одно слово, и ни одинъ слогъ, ничто, вышедшее изъ божественныхъ устъ Господа, не должно ускользнуть отъ его вниманія, и онъ долженъ углубляться въ эту божественную книгу и научиться изъ нея“.

Другой гомилетъ (Тереминъ), котораго руководство „Die Beredsamkeit eine Tugend, oder Grundlinien einer systematischen Rhetorik“ включено въ составъ изданія „Библиотеки по основаніямъ классиковъ“, предпринятаго протестантскими богословами, какъ лучшее сочиненіе по гомилетикѣ, — представляетъ на видъ то, что въ церковномъ краснорѣчьи не все сдѣлано, если языкъ проповѣди ничѣмъ не отличается отъ языка образованнаго общества, но что здѣсь, соответственно особому роду духовнаго краснорѣчія, умѣстенъ, и даже необходимъ особый языкъ, — именно библейскій. „Если библейскіе образы и выраженія влетаютъ въ изложеніе не для пополненія пустаго пространства, но употребляются къ мѣсту, съ сохраненіемъ ихъ достоинства и силы, тогда они являютъ въ высшей степени соразмѣрныя и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ возбужденію священнаго эффекта. Языкъ библіи никогда не старѣется, и онъ предлагаетъ многи знаменательныя выраженія для означенія разнообразныхъ состояній души и жизни, изъ которыхъ нѣмы вошли въ языкъ обыденной жизни и являютъ въ видѣ народныхъ общепотребительныхъ присловій. Великое преимущество библейскаго языка состоитъ еще въ томъ, что въ немъ выражены одинаково разуму и чувству, а не отдѣль-



по иное для разума, другое для чувства, какъ въ человѣческихъ представленіяхъ. Библейское слово какъ-бы лучъ, дающій свѣтъ и теплоту, изъ ума проникающій въ сердце: если какое слово, то именно библейское можетъ согрѣвать и воспламенить всего человека⁴⁾.

Въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ естъ не мало ревнителей чистоты русскаго литературнаго языка, которые не благопріятно смотрятъ на особенности, замѣчаемыя въ языкѣ церковной каедрѣ, отмѣченныя печатью библеизма. Иные изъ нихъ, представляя неокверканные каррикатурные образцы рѣчи, якобы церковно-проповѣдической, приправленные славянщиною, подвергаютъ ее издѣвательству. Они хотѣли-бы слатить всѣ особенности языка проповѣдическаго, хотѣли-бы изгнать изъ него всѣ славянскіе элементы, которые сами собою вторгаются въ рѣчь, посвященную церковно-религіознымъ предметамъ. Зачѣмъ, говорятъ, проповѣдникамъ уклоняться отъ общелитературнаго языка? Пусть каждый изъ нихъ говоритъ и пишетъ такъ, какъ говорятъ и пишутъ свѣтскіе писатели. И находятся проповѣдники, которые, волею или неволею, поточниются этому мнѣнію, стараясь приравнять свою рѣчь къ обыкновенному языку свѣтскихъ сочиненій, изобавляя церковно-славянскихъ выраженій, и вмѣсто нихъ переставляя свою рѣчь иностранными словами, какими нестрѣтъ, часто совершенно безъ нужды, языкъ свѣтскихъ писателей. Но нашему мнѣнію, иностранныя слова, часто непонятныя для простыхъ слушателей или читателей, гораздо болѣе вредятъ чистотѣ русскаго языка, чѣмъ идиотизмы славянскаго языка, которые болѣе родственны нашему русскому языку, чѣмъ иностранныя слова и выраженія, насильственно и незаконно вводимыя въ лексическій составъ русскаго языка. Намъ, проповѣдникамъ, нѣтъ нужды подчиняться вкусу или,

⁴⁾ См. нашу книгу Изъ истории гомилетики Гомилетика въ новое время. стр. 329-330



тошнѣ, безвкусию свѣтскихъ критиковъ, заявляющихъ свои притязательныя требованія по отношенію къ характеру рѣчи проповѣднической, а нужно сохранить свое достоинство и въ способѣ выраженія или во внѣшней оболочкѣ своихъ мыслей. Амфитеатровъ совершенно справедливо говоритъ, что употребленіе выраженій, взятыхъ изъ церковно-славянскаго языка легко можно согласить съ духомъ и чистотою современнаго, отечественнаго языка: онъ не противорѣчитъ ни аналогическимъ, ни идіологическимъ свойствамъ нашего отечественнаго языка; потому что взаимный союзъ родства между ними заключенъ еще въ древніи времена и укрѣпленъ вѣками... Весьма много словъ изъ языка церковно-библейскаго уже давно перешло и доселѣ переходитъ въ народъ, безъ вѣдома грамматиковъ и филологовъ, и сіи слова получили здѣсь не побѣдимое право гражданства“. Развивая далѣе свою мысль, Амфитеатровъ замѣчаетъ, и мы совершенно согласны съ тѣмъ, что „переводимый въ народъ, языкъ церковно-библейскій можетъ языку отечественному сообщать особенное величіе, естественность и богатство“¹⁾. Печать библеизма и церковности, замѣтная въ языкѣ проповѣдника, отнюдь не портитъ его рѣчи, а придаетъ ей особенную силу и красоту, такъ приличную въ церковномъ словѣ, и пріятно воспринимаемую благочестивымъ слухомъ.

Но Амфитеатрову, слова библейскія необходимо должны встрѣчаться въ проповѣди, какъ первооснованія слога проповѣдническаго, по самому свойству тѣхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ церковной каедрѣ, и они необходимо встрѣчаются во всякой благочестивой бесѣдѣ. Для проповѣди своего рода техническія слова, соотвѣтствующія техническимъ словамъ какой-либо науки, безъ которыхъ не можетъ обойтись она, и приличіе церковное давно узаконило ихъ, какъ слова: *благодать, грѣхопаденіе, похоть плоти*.

¹⁾ Чтеніе о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. II. 208, стр. 119—120.



таинство и т. под. Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь сталъ спорить противъ того, что въ проповѣди приличнѣе сказать: *чело*, чѣмъ *лобъ*, *ланины*, чѣмъ щеки, *обръ ботинки*, чѣмъ постель, *рамена*, чѣмъ плечи, *уста*, чѣмъ *ротъ*. „Что было-бы, напримѣръ, (говоритъ Амфитеатровъ), если-бы мы, подражая языку свѣтскому, вздумали священное слово *благодать* замѣнять свѣтскими граціями, харитами, прелестями? Что же была-бы за рѣчь, когда бы мы стали вмѣсто *Господь Іисусъ* говорить *господинъ Іисусъ*, вмѣсто *владыка* употреблять бояринъ, вмѣсто *ахъ*, *братіе*—ахъ, братья, вмѣсто *самоулицевленіе*—самоубійство, вмѣсто *крещеніе*—купаніе, вмѣсто *таинство*—секретъ, вмѣсто *чудо*—ликовника, вмѣсто *пѣснь*—пѣсня, когда-бы *горланъ* замѣнили горломъ или глоткою, *жель*—налкого, *лечь*—шпагою и т. д. и т. т.¹⁾ Намъ разъ пришлось быть свидѣтелемъ такой неслыханной выходки проповѣдника: выступаетъ въ храмѣ на амбразу въ священномъ облаченіи человекъ, очевидно бьющій на современность и желающій угождать свѣтскому вкусу, говоритъ: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, и тотчасъ-же послѣ этихъ словъ дѣлаетъ такое обращеніе къ слушателямъ: милостивыя государыни и милостивые государи! Таковы слова, съ анимомъ произнесенныя съ церковной кафедры, у многихъ слушателей возбуждали смѣхъ, а у другихъ горькое сожалѣніе о грубой безграмотности проповѣдника, служащей выраженіемъ крайняго неприличія. Но нашлись люди (и мы потому только упоминаемъ объ этой странности, допущенной проповѣдникомъ), которые говорили, что въ такомъ обращеніи, хотя бы съ церковной кафедры, нѣтъ ничего страннаго и неприличнаго. Отъ чего же не допустить въ церковной рѣчи того, что принято въ образованномъ свѣтскомъ обществѣ, и что узаконено лучшими свѣтскими ораторами?... Мы считаемъ излишнимъ доказывать всю неосновательность подобнаго мнѣнія и все неприличіе введенія такихъ свѣтскихъ зама-

1) Чтено в церковной словесности или гомилетикѣ Амфитеатрова, ч. II,
Подготовлено Киевской Духовной Академіей и Семинаріей,
<http://kdais.kiev.ua>



тсль въ церковную проповѣдь. Такъ очевидна для всякаго, не потерявшаго совершенно церковнаго духа, нелѣпость полюбившихъ свѣтскихъ обращеній. Но критики, падающе на обособленность проповѣдническаго языка, пожалуй, могутъ довести иныхъ проповѣдниковъ, желающихъ быть модными, до того, что они къ своимъ слушателямъ станутъ обращаться, вмѣсто принятаго въ проповѣдническомъ языкѣ слова: *братіе*, съ словами: милостивыя государыни и милостивые государи, какъ принято у свѣтскихъ ораторовъ.

В. Пивницкій.